

Думы о творчестве и биографии

Любовь — основа... и любому деланию тоже. Творение удастся тогда, когда долго вынашивается и делается на одном дыхании. Хорошими художниками не рождаются, а становятся иногда... Вкусы могут меняться, а духовный стержень остается. Что бы ни изменялось, а Живопись остается. Искусство или есть, или оно не искусство.

О древе генеалогическом знаю немного: прабабушка Ольга, в честь которой меня назвали, у которой муж был Владимир, радовалась, когда в церкви поминали вместе великую равноапостольную княгиню Ольгу и великого князя Владимира. У нее было три брата: один стал белым офицером, другой красным, а третий — директором оперного театра. Прадедушка Владимир был внебрачным сыном барина и кухарки. Ему дали хорошее образование. Работал он переплетчиком и был мастером на все руки. Ходил он с тросточкой, а усы завивал кверху и был красавцем. Бабушка верила гадательным картам, и если рядом с дедушкой выпадала червонная дама, дома дедушку ждала буча. Еще дедушка рисовал в альбоме. Эта особенность передалась моей маме, потом моему старшему брату, а потом перекочевала ко мне. Хотя и папа рисовал тоже. Но серьезно этим делом он увлекся, когда вышел на пенсию и сказал: "Вот теперь начнется настоящая жизнь...". Нарисовал он сто картин, потом написал пять книг (самиздат), а сейчас изучает английский язык.

Любовь к прекрасному, надо полагать, зародилась у меня еще в утробе матери, когда она беременной ездила в Италию. Потерев стопу (возможно, св. Петра, уже изрядно истертую), она загадала, чтобы родилась девочка. И вот родилась, в белой рубашке. Первые звуки "абу, агу" были направлены к итальянке на картинке, висевшей над кроватью: так переплелись культура и жизнь.

Первый интерес к музыке испытала вскоре после рождения, когда мама, не зная, что бы сделать, чтобы ребенок взял грудь, запела: "Черноглазая каза-а-чка подковала мне коня...". Тут же стала есть. Это пресекла бабушка, которая ставила одновременно пластинку (например, с "Бременскими музыкантами") и тарелку с манной кашей и уходила. А возвращалась, когда то и другое заканчивались. В детстве еще нравилось болеть, потому что тогда мама доставала волшебный диапроектор с диафильмами и, натягивая белую простынь, творила чудеса. Еще, помню, был кукольный театр.

Первые уроки рисования прошли еще во младенчестве, когда родители, не зная, чем занять, подсунили альбом и разноцветные карандаши. Открылся чудесный мир искусства, который затмил реальную жизнь в старом домике на Молдаванке. Летним теплым вечером по Молдаванке внезапно запрыгали солнечные зайчики.

В Греции, где я училась с Андрюшей Чаркиным и Ларисой в Афинской академии художеств, мы по пятницам обычно смотрели передачу "Одесса — родина эллинов". Греки говорили: "У вас такая красивая Одесса! Что вы делаете в этих Афинах?". Мы задумались — и вернулись на родину.

Попала во французскую школу, и в последнем классе, когда в связи с перестройкой, открылись границы, мы по обмену следовали в Клермон-Ферран через Париж. В Париже, когда мы пробегали по Лувру, нас задела Делакруа и Энгр. Со временем Делакруа остался, а Энгр ушел — так живопись восторжествовала над рисунком. В музее д'Орсей напугал Ван Гог и поразил Лотрек. А в сознательном возрасте, уже после Врубеля, Коровина, нахлынули импрессионисты.

Гораздо позже, попав в Париж на стажировку "Открыть современное французское искусство", помню, когда вошла в Лувр, как обычно, с этюдником, остановили у входа: "Вы копировать?". "А что, можно?" — по-одесски ответила вопросом на вопрос. "Можно, но нужно разрешение". Оказавшись перед хрупкой очень красивой женщиной с мужским голосом, объяснила все. Та тут же выдала разрешение рисовать и писать акварелью, а с маслом пришлось ждать. Вот. Ну, конечно, поразил в Лувре Коро — шикарный. Вермеер — о да! "Джоконда" как-то не произвела должного впечатления. Рембрандт, Рафаэль, Караваджо, Де ла Тур.

Потом — Венеция: Тициан, Веронезе, Карпаччо, Джорджоне! Флоренция — галерея Уфици — Боттичелли, Веласкес! Как-то слились воедино Франция, Италия, Испания, Голландия — мэтры живописи.

Еще посчастливилось побывать в Экс-ан-Провансе, где все пропитано Сезанном. Идешь по тротуару: там золотая бляшечка — Сезанн. Смотришь по сторонам — кафе "Поль". В Музее Сезанна наблюдала сцену: бабушка из группы пожилых американских путешественников, зацепившись о порог и ввалившись в зал, чуть не разбил знаменитую бутылку Сезанна. К нему подбежала служительница музея, он вежливо объяснил: "Благодарю, я не ушибся", — не заметив, что чуть было не грохнул сокровище Сезанново.

Выдали карту с обозначением тропы, по которой Сезанн обычно ходил на этюды. Со смотровой площадки видна гора Сен-Виктуар, а рядом —

семь огромных репродукций Поля Сезанна — так, чтобы каждый турист сказал: "А что, похоже", — многозначительно кивнув головой.

Затем попала в Падую, где Джотто ошеломил цельностью композиции. (Вот и в искусстве ценю то, что не кстати, а здорово!) В Музее Моранди в Болонье понравился круглый бутафорский стол с искусственными цветами и раскрашенными бутылочками. О работах фарфоровых говорить не смею, и так все ясно.

Опять — провал в детство, когда весенним утром ветерок поддувает платье. И тут до тебя докатывается весь ужас жизни: "И ты умрешь, и ничего не останется?". С этих пор начинается мучительный поиск: "А зачем?.. А почему?.." и т. д.

Переворотом в судьбе стало ОГХУ. Попав в родственную среду таких же сумасшедших, расправив крылья, через время испытываешь чувство полета, сравнимое с ощущением в детских снах.

Лежа на крыше художественного училища, созерцаешь полеты голубей и читаешь Камю, смотришь сверху на всю эту маленькую жизнь — с Одессой, морем, корабликами, оперным театром... В детстве, когда нашкодишь, бабушка в "темную" сажала, — а ты поплачешь, успокоишься и смотришь на окна соседнего дома. И такая там жизнь интересная: с кактусом на окне, обитателями дома, котами...

Однако скачки с поднебесья в подземелья чрезвычайно трудны для неокрепших душ. А посему каждый человек со временем определяется: либо он с Господом, либо... Иногда помогает ангел-хранитель, беря тихонечко за руку или подталкивая. И что это за чудо, когда жизнь земная обретает смысл! Художнику иногда проще почувствовать через иконы Что-то. Конечно, мы, убогие, иногда забываемся, но Господь вразумляет через все в этом мире. А что там? А может, лучше и не знать пока что.

А сейчас тридцать три. Время подведения итогов. Жизнь ведь так коротка. Порог вечности.

